На военный завод небольшого городка Павел Андреевич Большаков вместе с сокурсницей женой попали по распределению в институте. Его приняли инженером в конструкторское бюро, Олечку – комплектовщицей в цех. Получили служебную однушку, и жизнь началась, годы сменяли друг друга. Сначала выпал участок в садовом товариществе, свои шесть соток, поставили небольшой домик, через два года слетали по путевке на юг, че-

рез несколько лет подошла очередь Павла Андреевича на новую «Ладу». Вскоре родился Мишка. И все одеты, обуты, сыты. В общем, прокручивая в голове последние пятнадцать лет жизни, Павел Андреевич считал – жаловаться не приходилось. А теперь начались невзгоды. И как человека технического ума Павла Андреевича настораживало, с какой математической выверенностью они следуют друг за другом. Сначала не стало страны, к которой, казалось, все прикреплены, как к местам в кинотеатре. Вскоре завод практически остановился.

– Это неизбежно и временно, – декламировал на собрании директор, – мы переходим на производство гражданской продукции!

Через месяц не выплатили зарплату. И через два, четыре. Восемь? – прикидывал Большаков. Если бы не запасы с грядок, наверное, голодали бы. А тут еще Мишку в школу. Учебники, одежда…

– …обеды. Ты думаешь – все бесплатно? – вскипала вечерами Оля. – Мы как его учить будем? На какие? – и тут же умоляюще припадала: – Давай уедем, пока тетка зовет?

Тетка жила в столице. Торговала на рынке и приглашала Олю открыть вторую точку. Деньги у нее водились. Только Большакову уезжать не хотелось. Все-таки на заводе он был на своем месте. Если где-то возобновлялось движение, его всегда привлекали, спрашивали совета, с его мнением считались. Он чувствовал себя нужным. Это уже вечером, за проходной, вдруг терялся, ежился, рассеянно озирался по сторонам и брел домой неуверенной тихой походкой.

– Ты же знаешь, скоро сдаем проект, – собирая последнее спокойствие, убеждал он супругу (слова «яйцесортировочная машина» как-то физически застревали в горле), – завтра обещали рассчитаться…

И Ольга, затаив невысказанное в пронзительных синих глазах, отступала на кухню, где нарочито громко хлопали потом дверцы шкафчиков, со звоном переставлялась посуда.

Следующим вечером, в привычный час возвращения Павла Андреевича домой, в дверь неловко и приглушенно постучали. Оля поспешила открыть. Большаков нес большую картонную коробку, в которой что-то попискивало и скреблось.

– Это что? – спросила Оля, вытирая руки о перекинутое через плечо полотенце.

Павел Андреевич поставил коробку на пол. Внутри копошились пушистые желтые комочки.

– Цыплята.

Оля стянула полотенце:

– А деньги?

Большаков виновато развел руками.

От нахлынувших обиды и разочарования у Ольги увлажнились глаза. Она отвернулась и быстро зашагала в сторону кухни. Сидела там, прислонив ко лбу ладонь, то тихо всхлипывала, то рыдала. Зато Мишка был рад. Весь вечер не отходил от коробки, наблюдая за веселой возней цыплят. Большаков перебирал стопки старых журналов: «Сделай сам», «Моделист-конструктор» – размышлял, как обустроить пространство. Оля все-таки успокоится, а время идет, и определять цыплят куда-то придется.

Был поздний вечер, когда Ольга наконец вернулась в комнату.

Цыплят решили держать на балконе. По садовым участкам бродили неизвестные люди. Разоряли грядки, взламывали домики, тащили все подряд, от радиоприемников до алюминиевых вилок. И хоть с недавних пор в товариществе установили дежурство, рисковать все равно не хотелось.

Утром и вечером Большаков заходил на балкон и ссыпал в пластмассовое донышко крошки еды и мелко порубленную крапиву. Цыплята быстро росли. Желтый пушок сменился прочной белой броней, верткие головы увенчались красными гребешками. Молодые петушки по утрам пробовали раскричать горло, подводившее тонкой хрипотцой, а днем, воинственно распластав крылья, с разбега набрасывались друг на друга. Перед тем как ложиться в постель, Оля, намазывая кремом руки, приближалась к балконной двери и холодно вглядывалась в стеклянную перегородку. Однажды вечером, когда Мишка уже спал, она и Большаков, плотно придвинув стулья, смотрели телевизионную передачу: «Ту суровую зиму мореплаватели провели среди индейцев, от которых узнали, что дальше на запад есть страна Сагеней, где живут светловолосые люди, а земля полна золота и рубинов…». Оля тихо сказала:

– Двух самых больших можно резать.

После минутной задумчивости Павел Андреевич произнес:

– Можно. Только я ведь все-таки не мясник, чтобы резать…

– Можешь током убить, – сказала Оля, – мне без разницы. Мы с Мишкой поздно придем, чтоб не видел, а ты наоборот отпросись.

Павел Андреевич вздохнул и отбарабанил пальцами бесшумную дробь.

Он действительно ушел с работы пораньше. Но едва оказался за пределами завода, ноги сами свернули и повели его в сторону от вечерних дел, неприятных, от предчувствия которых тяжелело на сердце. Он прошел мимо пивного ларька, где выстраивались люди после очередной смены – растворить в стакане последние рубли, растерянность и бессилье. «Вот тебе и торжество социа-

лизма, – горько перешучивались за столиками, – у всех одинаково нет денег». Неподалеку, ожидая подачек, лежали и дергали хвостами довольные всем беспородные линялые псы. Было жарко. Асфальт казался раскаленным, только в мелких трещинках пряталась неуловимая тень. Тень отбрасывали тополя, растущие вдоль дороги, но она не касалась тротуара, а только насмешливо щекотала обкрошенные бока. Большаков шагал вдоль бетонного забора и смотрел на верхние этажи корпусов, где выклеванными глазницами чернели окна. Один из цехов закрыли. Подло, ночью, вывезли все оборудование, а утром не пустили рабочих. Вот так вдруг взять и оказаться на улице. В такое время…

На углу перекрестка, под тополями, начинался небольшой базар. Большаков остановился. На стихийных прилавках, обтянутых выцветшим тряпьем, были разложены иконки и книги, фигурки из фарфора и литья, кипятильники, паяльники, медали. Люди приносили последнее, не разбирая цены, чтоб раздобыть хоть немного денег. Старики, старухи. Многие когда-то трудились на заводе. Прохожие равнодушно скользили мимо, только двое, как в шашках, перескакивали с одного прилавка на другой, что-то разглядывали, расспрашивали, хитро сверкали глазами. Один из них заметил Большакова и подошел:

– Что-нибудь продаете?

Ольга открыла дверь и пропустила вперед полусонного Мишку. В квартире играла музыка. Оля поторопила сына с тем, чтобы он разулся, помогла ему стянуть куртку и отправила мыть руки. А сама, не снимая плаща, скинула туфли и сразу свернула в комнату.

Павел Андреевич с закрытыми глазами сидел в кресле. Будто не замечая ее появления, он, сделав ладонь лодочкой, дирижировал играющей песней, как бы подгоняя

вперед воодушевленный ритм. Оля проследовала к балконной двери. Резкий разворот. Холодный голос:

– Где цыплята?

Большаков молчал. Оля подошла ближе. Нависла:

– Где цыплята?

Большаков неохотно открыл глаза.

– Обменял, – сказал он тонущим в музыке голосом.

– Обменял? На что?

– У меня бы все равно рука не поднялась. А возле работы мужики крутились, ну я и договорился.

В комнату вбежал Мишка.

– Марш на кухню! – указала Оля в сторону двери.

Мишка посмотрел на родителей:

– Почему?

– Марш, я сказала!

Мишка понурил голову и, обиженный несправедливым наказанием, поплелся обратно.

– Ты их обменял? – надрывно повторила Ольга. – На что?

Глаза ее забегали по комнате и остановились на весело покрикивающем магнитофоне.

– На это?

– Хороший магнитофон, – ответил Большаков, – стерео, двухкассетный. У нас не делают таких. Мишке пригодится...

– На это? – не поверила Оля.

Звук в динамиках растянулся и медленно смолк.

«Пасик», – с досадой подумал Павел Андреевич.

Оля глубоко вдохнула, потом еще, как будто ей каждый раз не хватало воздуха, чтобы обрушить на мужа все накопившиеся в ней негодование и злобу. Разразился скандал. Болезненный, громкий. Оля плакала и ругалась. Упрекала мужа в несостоявшемся переезде, отсутствии денег, плохой работе, плохой судьбе… Он слушал молча.

Не вторгаясь с возражениями, не раздувая спор. Ждал, когда Оля выговорится и все вернется в привычное русло. Но согласиться с ее обвинениями не мог. Разве есть его вина в том, что где-то далеко, не считаясь ни с его мнением, ни с жизнью, произошли перемены, на которые он никак не мог повлиять? И все разболталось, расшаталось, стало неузнаваемым, непостижимым. В груди у него давило, как будто кто-то крутил тяжелый эксцентриковый вал. Он подошел к стенке и снял магнитофон. На стеклянных полках подпрыгивали хрустальные сервизы, с силой открывались и захлопывались дверцы – Оля собирала вещи. Она металась вдоль шкафов. Щеки ее пылали, движения были стихийны, резки. В прихожей появился чемодан. Тот самый, с которым они когда-то приехали в этот город.

Пасик был в порядке. Большаков настраивал осциллограф, по экрану бежали гармонические сигналы, от паяльника вилась вверх струйка канифольного дыма. Была уже ночь, когда подъехала машина такси. Мишка, по-прежнему сонный, растерянный, в поникшей болоньевой курточке, с чужим рюкзаком за плечами, тоже полным вещей, вышел в подъезд и нажал кнопку лифта.

Большаков прошел в коридор.

– Зачем это все? – спросил он.

Оля посмотрела на него растерянными, даже испуганными глазами. Кровь отхлынула от лица. Во взгляде не оставалось ни укоризны, ни злобы.

– Паша, – сказала она тихо, – пойми: тут у него будущего нет. Сейчас везде деньги нужны. Как его на ноги ставить?

– Работа вернется, зарплату начнут платить, – ответил Павел Андреевич невозмутимо. И эта невозмутимость опять задела Олю за живое.

– Ты деньгам цену не знаешь! Теперь так нельзя. Ты все лето не обедал, на работу и обратно – пешком, мы в по-

следнем себе отказывали, чтоб цыплят этих прокормить. Мы бы продали. Мясо всегда в цене. А ты взял и необдуманно, одним разом… – к глазам ее вновь подступили слезы, голос стал встревоженным, неровным.

Она достала из кармана ключи и бросила на тумбу.

Павлу Андреевичу захотелось немедленно прекратить это. Одернуть Ольгу, втащить Мишку домой. Но он замешкался – возможно, там, с теткой, им действительно будет лучше. Подъехал лифт, двери открылись. Оля с Мишкой исчезли.

– Оля, – сказал Павел Андреевич и закрыл глаза. – Мишка…